

КЛАДБИЩА ТОМСКА КАК МЕСТА ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА (конец 1919 – первая половина 1941 г.)

Статья посвящена характеристике старинных кладбищ Томска как мест памяти жителей этого города в 20–30-х гг. XX в. Автор уточняет некоторые данные, связанные с функционированием этих кладбищ в указанный период, называет ряд ныне утраченных могил выдающихся томичей. Также выявлены традиционные и новые (советские) особенности содержания кладбищ и отношения к ним со стороны общества; объясняется влияние политики памяти государства, социально-экономических условий жизни в стране и специфики местной духовной жизни на томский некрополь 20–30-х гг. XX в.

Ключевые слова: место памяти; коллективная память; некрополь; политика памяти.

Томск – это старинный сибирский город, крупный административный, экономический и культурный центр региона. С этим городом были связаны судьбы многих выдающихся людей, что убедительно доказывают исследования некрополистов. Неоднократно томский некрополь становился предметом исследования местных антропологов и археологов С.М. Чугунова [1–4], А.П. Дульзона [5], А.Ф. Палашенкова [6]; краеведов А.В. Адрианова [7. С. 108, 119], И.Е. Лясоцкого [8. С. 10], В.Д. Славина [9. С. 155, 171–178, 198–203]; историков Н.М. Дмитриенко [10. С. 146, 162, 168–169, 175, 184, 190, 197–198, 209, 220; 11; 12], В.Г. Ханевича, А.Г. Караваевой [13] и др.

История томских кладбищ изучается давно и в разных контекстах, но мы обратили внимание на то, что в большей степени исследователи до сих пор уделяют внимание дореволюционному периоду их существования. В последнее время томичи также исследуют некрополь своего города 50–70-х гг. XX в. [14]. Однако, на наш взгляд, принципиально важно уделить более пристальное внимание истории томских кладбищ на этапе между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Именно тогда были разрушены наиболее интересные для историков и краеведов старинные погосты при монастырях, Вознесенское и Преображенское кладбища. Вместе с ними утрачена и память о сотнях людей, некогда живших в этом городе. В указанный период страна пережила колоссальный духовный надлом, в результате которого резко изменилось отношение власти и общества к старым кладбищам и другим местам коллективной памяти. Именно поэтому цель данной статьи – охарактеризовать специфику томских кладбищ в период с конца 1919 г. до середины 1941 г. как мест памяти. Для этого предстоит определить, какие именно кладбища существовали в Томске тех лет, выяснить, сохранялись ли в указанный период сложившиеся до революции традиции устройства городских кладбищ, привносились ли советской властью традиции, ею изобретенные; установить влияние на состояние томских кладбищ социально-экономических контекстов, политики памяти государства и специфики местной культурной жизни.

В современной исторической науке не существует единого определения понятия «место памяти». В контексте данного исследования под местом памяти мы подразумеваем объект городской среды, фиксирующий, хранящий и транслирующий коллективную память о значимых для того или иного сообщества событиях и персонах. Кладбище – это, пожалуй, наиболее традиционное место памяти в российском городе XX в.,

актуальное для разнообразных социальных групп: семейных, этноконфессиональных, профессиональных и др. Отдельные могилы являются местами, связанными с локальным и общенациональным компонентами исторической памяти горожан. Стоит подчеркнуть, что от оценочного, смыслового и эмоционального наполнения места памяти зависит развитие контекстов коллективной, в том числе и национальной, идентичности. Символическое значение места памяти меняется со временем; место памяти может вовсе исчезнуть из коллективной памяти, утратив свое значение [15. С. 154].

После Гражданской войны в Томске действовали кладбища, созданные еще до 1917 г. Старейшими из них были монастырские погосты. Кладбище при мужском Алексеевском монастыре возникло еще в 1663 г. Здесь покоились наиболее знатные и почитаемые томичи, среди которых были настоятели монастыря, дворяне, губернаторы, почетные граждане, «благочестивые лица» [16. С. 18–19]. Еще одно старинное кладбище Иоанно-Предтеченского женского монастыря (открыт в 1864 г.), также отличавшееся множеством погребений томских знаменитостей, оставалось открытым до конца 1920-х гг. [12. С. 7]. Ввиду высокой платы за могильное место на этих элитных погостах, доходившей в 1922 г. до 800 р., погребения здесь осуществлялись единично. Так, в 1922–1923 гг. на обоих кладбищах было совершено только 31 погребение [17. Л. 1–31]. Когда монастыри были закрыты, кладбища еще несколько лет продолжали действовать.

Авторы «Томского некрополя» считают, что последнее погребение на кладбище мужского монастыря состоялось в 1924 г. [12. С. 7]. Однако формулировка одного из похоронных объявлений («бывший мужской монастырь, похороны 22 января») позволяет полагать, что на кладбище мужского монастыря в 1926 г. были погребены останки усопшего протоиерея С.А. Пустодеева [18]. Это кладбище президиум Томского горсовета решил ликвидировать в 1929 г. Кладбище женского монастыря закрыли в 1927 г., а в 1930 г. приняли решение о его ликвидации [12. С. 7]. Газетные объявления о похоронах позволяют сделать вывод о том, что до конца своего существования это кладбище оставалось элитным. К примеру, в 1926 г. газета «Красное знамя» опубликовала объявление о погребении в этом месте останков начальника службы пути Томской железной дороги В.А. Языкова [19]. Похороны были гражданскими, а памятник – советским, несмотря на то что кладбище располагалось при монастыре. Здесь же в 1926 г. предали земле тело «бабушки» М.А. Шмурыгиной [20], по всей видимости, родственницы С.Ф. Шму-

рыгина, героя времен Гражданской войны, погибшего и торжественно похороненного в Новониколаевске. Интересно и объявление о похоронах на кладбище женского монастыря члена Томской окружной коллегии защитников Б.Е. Пульера [21].

В 1920-х гг. массовые захоронения производились на двух кладбищах города: Вознесенском и Преображенском. Вознесенское кладбище возникло еще в XVIII в. Уже в начале XX в. оно было признано переполненным, однако городская дума Томска так и не приняла окончательного решения о закрытии этого кладбища. По данным авторов «Томского некрополя», это было связано с тем, что к участку на Каштаке, предназначавшемуся для устройства нового могильника, не провели удобной дороги [12. С. 5]. Если до революции хоронить останки умерших на этом кладбище можно было лишь по особым разрешениям, то в период с 1920 по 1928 г. здесь без всяких особенных разрешений было предано земле большое количество тел усопших. Используя численные данные по месяцам о количестве погребений на томских кладбищах за 1922–1923 гг., мы подсчитали, что на Вознесенском кладбище только за этот небольшой отрезок времени добавилось не менее 428 могил [17. Л. 1–31]. Объявления о похоронах, размещавшиеся в томских газетах, также позволяют сделать вывод о том, что и в последующие годы это кладбище активно заполнялось. В газетах за 1926 г. похороны на Вознесенском кладбище упоминались чаще других.

Однако в этом же 1926 г. Вознесенское кладбище было признано переполненным. Горсовет принял за рассмотрение вопроса о выборе места под новое кладбище, которое планировалось открыть в 1928 г. [22]. В качестве такового рассматривалась территория возле железнодорожного моста через р. Ушайку. Наконец, 19 августа 1928 г. «Красное знамя» объявило о закрытии Воскресенского кладбища. Газета подводила итоги: еще дореволюционная городская дума закрывала это кладбище, но позже вновь разрешила продолжать на нем погребения; в целом кладбище просуществовало более 100 лет. Последнее объявление о погребении усопшего на Вознесенском кладбище до его официального закрытия «Красное знамя» опубликовало 22 июня 1927 г., когда после отпевания в Богоявленской церкви похоронили останки томича С.Н. Глушкова. Позже, несмотря на то что кладбище официально больше не действовало, хоронить здесь усопших жители Томска продолжали. К примеру, в 1930 г. тут предали земле останки инвалида Гражданской войны, добровольца Красной армии Ф.Г. Заведеева [23]; в 1931 г. был захоронен некто П.П. Носков [24]; в 1932 г. – В.М. Иванов [24]; в 1933 г. – Л.И. Бандура [25] и т.д. Ежегодно от одного до шести объявлений о похоронах на этом закрытом кладбище фиксировала пресса на протяжении всего третьего десятилетия XX в. Видимо, за отдельную плату можно было «подхоронить» усопшего к семейному некрополю.

Преображенское кладбище возникло позже Вознесенского, в середине XIX в. До революции, судя по воспоминаниям, оно было менее престижным, чем Вознесенское, здесь «хоронили простой люд» [12. С. 6]. Однако составители дореволюционного томского

некрополя зафиксировали существование на Преображенском кладбище также немалого количества могил священников, офицеров, чиновников, представителей местной интеллигенции [16. С. 26–29]. По данным 1922–1923 гг., это кладбище использовалось активнее других. За период с сентября 1922 по июль 1923 г. включительно на Преображенском кладбище было погребено в одиночных могилах не менее 657 усопших [17. Л. 1–31]. В начале 1920-х гг. потребовалось расширение Преображенского кладбища. Кроме того, за его оградой в начале 1920-х гг. осуществлялись погребения умерших в братских могилах: не менее 505 человек за указанный выше отрезок времени [17. Л. 1–31]. После закрытия Вознесенского и монастырских кладбищ фактически до Великой Отечественной войны Преображенское кладбище было в Томске основным. Стоит обратить внимание на целый ряд захоронений выдающихся томичей, которые скончались в 1930-х гг. и были погребены на Преображенском кладбище. Это член-корреспондент АН СССР, профессор ТГУ, ботаник, исследователь Сибири П.Н. Крылов (1850–1931) [27]; декан строительного факультета Сибирского строительного института Г.В. Ульяновский (умер в 1930 г.) [28], профессор медицинского факультета ТГУ С.В. Лобанов (умер в 1930 г.) [29]; профессор В.Н. Гутковский (1877–1933), занимавший должность директора Сибирского института металлов, исследователь Кузнецкого угольного бассейна [30]; профессор Сибирского института народного хозяйства, один из старейших агрономов Томска, статистик, разработчик планов экономического развития края М.Г. Александровский (1877–1933) [31]; артист цирка, дрессировщик, основатель школы атлетов и учитель циркового искусства А.В. Лапидо (1873–1936) [32] и др.

В приведенном нами списке фигурирует в основном томская профессура. Такова специфика сохранившегося лишь посредством газетных источников некрополя Томска 1920–1930-х гг. Это не случайно. Историками уже замечено, что вузовская интеллигенция Томска в общей массе не разделяла политической позиции советской власти [33. С. 20, 23; 34. С. 18]. Однако до начала массовых репрессий профессура шла на деловое сотрудничество с властью, которая старалась всячески поощрять томских ученых. К установленным приемам такого поощрения относились: выдачи «академических пайков», назначение льгот, повышение заработных плат, награждение ученых путевками в санатории, избрание их в органы местной власти, присуждение им высоких званий, пышные празднования их юбилеев [34. С. 18]. Добавим к этому списку и особое отношение власти к памяти усопших профессоров. Печать по заказу местных властей акцентировала внимание на смерти и погребении вузовской интеллигенции, публикуя многочисленные похоронные объявления и некрологи. Судя по объявлениям, похороны профессуры были пышными, сопровождалась политизированными панихидами, в ходе которых, однако, прославлялись заслуги усопших перед советской наукой. В результате интеллигенция, видимо, удовлетворялась данными коммеморативными действиями, которые выражали благодарность усопшему за его труд и добродетели. Это является важной составляющей христианской

культуры памяти, в традициях которой, несомненно, воспитывалась томская интеллигенция. Власть в подобных случаях имела собственную выгоду, повышая статусные характеристики «своего» некрополя памяти о наиболее образованных советских людях.

Однако не только томская профессура удостаивалась в данный период пышных проводов в последний путь и благодарностей. Также к числу интересных людей, погребенных на Преображенском кладбище в 1930-х гг. и особенно отмеченных прессой, можно отнести, к примеру, ударника завода «Металлист» Г.С. Селиванова [35] и женщину-следователя М.А. Байгулову (умерла в 1931 г.) [36]. Современным краеведам и историкам музейного дела будет интересно и то, что благодаря почти незаметному частному газетному объявлению нам стало известно также о дате смерти и месте погребения Б.Е. Шатилова – пожилого отца репрессированного директора Томского краеведческого музея М.Б. Шатилова (умер в ноябре 1935 г., погребен на Преображенском кладбище) [34].

Хотя официально Преображенское кладбище не действовало с июля 1939 г., здесь, как и на закрытом Вознесенском кладбище, продолжали хоронить умерших. Так, в конце 1939 г. земле этого могильника с почестями предали тело академика М.А. Усова (1883–1939) [37]. Видимо, хоронить такого выдающегося человека на новом кладбище, не имеющем мемориального статуса, общественность посчитала недостойным (позже останки академика будут перезахоронены). В 1940 г. «Рабочий путь» опубликовал еще три объявления о похоронах на «бывшем Преображенском кладбище». Кроме него, до 1939 г. действовали отдельные кварталы Вознесенского кладбища, традиционно использовавшиеся религиозными меньшинствами города. В 1939 г. открылось Северное кладбище за станцией Томск-2 и Южное (Коларовское) кладбище [12. С. 7].

Нами также зафиксированы случаи погребения отдельных лиц в ограде старинной Воскресенской церкви. До революции при церкви обычно хоронили духовных лиц и тех, кто строил этот храм либо жертвовал деньги на его строительство. Такие могилы высоко чтились. В качестве примера можно назвать могилу купца П.В. Михайлова, дважды избиравшегося городским головой, прославившегося благотворительностью. Он был погребен в ограде Троицкого кафедрального собора. В начале 1920-х гг. место у церкви можно было купить. Нами зафиксирован такой случай приобретения могильного места у Воскресенской церкви за 15 тыс. руб. в 1923 г. [16. Л. 8] В томских газетах за 1930-е гг. изредка встречаются объявления о погребениях на Воскресенском кладбище. К примеру, в 1932 г. в этом месте было погребено тело студента Вани Новикова [38]. Вероятно, в газетных объявлениях подразумевался небольшой погост при Воскресенской церкви.

В изучаемый нами период кладбища в соответствии с дореволюционной традицией делились по религиозному признаку на обособленные части. Самыми большими из них оставались православные. Так, к Вознесенскому православному кладбищу примыкали небольшие Лютеранское, Старообрядческое (Староверческое), Католическое, Иудейское, Единоверческое и Магометанское кладбища, где в начале 1920-х гг. осу-

ществлялись единичные погребения [17]. Рядом с Преображенским кладбищем располагались еще одно Лютеранское и Магометанское кладбища. Со временем под действием антирелигиозной пропаганды весь этот комплекс могильников стали называть «Преображенским кладбищем».

В 1920-х гг., как и до революции, сохранилось традиционное ранжирование могил по трем «разрядам». Наиболее престижным, а соответственно, и более дорогостоящим считалось погребение первого разряда, которое стоило в три раза дороже «третьеразрядного» могильного места. Обычно в братских могилах хоронили бесплатно, однако иногда с бедняков, которые не могли позволить себе достойные похороны, взималась небольшая плата (5–10 р.) [17]. Своего рода традицией можно считать и завышение цен на отдельные кладбищенские места, спекуляцию таковыми. В 1926 г. «Рабочий путь» фиксировал учащение случаев взимания произвольных средств за рытье могил. Горсовет устанавливал таксу на отвод мест под могилы: 6 р. стоило место первого разряда, 2 р. – место второго разряда, 50 коп. – место третьего разряда [39].

Внешний облик кладбищ, по всей видимости, оставался в значительной степени традиционным. В Томске еще сохранилось множество старинных надгробий из резного камня и металла, были и бесчисленные деревянные кресты, предпочтение которым многие обыватели отдавали и в межвоенные годы. В религиозном понимании кладбище оставалось святым местом. В православной традиции крест в качестве надгробного знака напоминает живым о неизбежности смерти и бренности земной жизни, о вечности мироздания и бессмертия души, о добродетелях и заслугах усопшего, необходимости молиться за него. Также крест традиционно выражает благодарность живых усопшему за его земные заслуги [40. С. 95]. Крест так многозначен и ценен для христиан, что многие не могли отказаться от этой формы надгробия, как и от отпевания. Однако нововведением советского времени стали могильные памятники в виде пирамидок, увенчанных пятиконечными звездами. Эта форма надгробного памятника, символически противостоявшего христианскому пониманию смерти, была связана с художественными традициями классицизма революционной Франции и гражданским отношением к погребальной атрибутике.

Складывается впечатление, что известие о предстоящем закрытии Вознесенского кладбища, как и Преображенского, не останавливало томичей, желавших похоронить своих близких именно там. Видимо, сказывалось традиционное стремление к формированию семейных некрополей, символически воссоединявших супругов и родственников после кончины. Скорее всего, многие жители города не ожидали, что официально закрытые кладбища так скоро будут подвергнуты абсолютному уничтожению. Главными аргументами обывательской логики в пользу похорон на закрытом кладбище оставались удобство посещения могил, находящихся в одном месте, и расчет на то, что в ближайшие годы старые кладбища все равно не исчезнут.

Как мы уже заметили, в Томске 1920-х гг. сохранилась традиция погребения умерших на погостах при церквях. Однако таким традиционным способом было

невозможно выделить могилу выдающегося человека, умершего при советской власти, да еще и выражавшего критическое отношение к православной церкви. Поэтому, отталкиваясь от уже сложившейся традиции, томичи избрали альтернативный вариант почетного погребения. В 1926 г. умер известный томский просветитель и книжник, бывший предприниматель, почетный гражданин Томска и Сибири П.И. Макушин. Благодаря этому человеку в Томске было основано первое просветительское общество, открыт первый книжный магазин, первая библиотека. На его средства был построен и Дом науки, который сам Макушин хотел видеть народным университетом. Эта мечта исполнилась незадолго до его смерти. Именно в ограде Дома науки и был по собственному завещанию погребен П.И. Макушин после кончины. Он сам придумал символическую форму собственного надгробия – вертикально поставленную рельсу с закрепленным на ее верхушке фонарем [41]. Еще до революции в оформлении надгробий выдающихся представителей определенных профессий использовались символические изображения профессиональных атрибутов: книг на надгробиях писателей, оружия у военных и т.п. [42].

Фонарь на могиле П.И. Макушина, несомненно, символизировал просвещение. Сложнее интерпретировать рельсу: вероятнее всего, она означала технический и культурный общественный прогресс. Однако для Петра Ивановича, исколесившего тысячи верст по России в качестве миссионера и просветителя, рельса могла означать буквально и все эти дороги, а фигурально – тяжелый, но верный путь распространения знания. Для Макушина, борющегося за просвещение масс, Дом науки в самом деле был храмом. Петра Ивановича, как и томских купцов, жертвовавших средства на строительство церкви, хоронили у стен его «детища». В день годовщины смерти тело П.И. Макушина было перенесено в склеп, сооруженный в усадьбе Дома науки [43]. Это событие отвечало традиции, согласно которой открытие памятников и обновление монументов приурочивается к памятным датам, с ними связанными. Пройдет всего несколько лет, изменится внутренняя политика советского государства, П.И. Макушин станет антигероем истории Томска, и эта знаковая могила придет в запустение.

Не только политика памяти государства, но и социально-экономические условия жизни большого города меняли облик кладбищ и отношение общества к этим местам памяти. После Гражданской войны томичи обнищали и уже не имели возможности устанавливать на могилах своих близких дорогие, искусно оформленные надгробия. Состав населения города изменился после войны: многие погибли и уехали, остались без присмотра и многочисленные могилы. Кроме того, безусловно, военно-революционные потрясения вели к упадку морали. В результате страдали погосты и кладбища. И до революции провинциальные православные кладбища не отличались ухоженностью. Но теперь участились случаи мародерства и дерзкого вандализма. Прежде всего разграбляли погребения некогда состоятельных людей – именно они могли позволить себе кованые решетки, ограды и мраморные памятники. В действиях многих вандалов, несомненно, присутство-

вал оттенок доведенного до абсурда революционного максимализма. Вандалы разрушали и выбрасывали на дорогу венки, могильные таблички, выворачивали и опрокидывали могильные плиты, ломали и били каменные украшения. В 1926 г. был зафиксирован случай крупного вандализма на Еврейском кладбище. Хулиганы разгромили более четырех десятков могил, они разбивали мраморные памятники, скидывали осколки в ров. Вандалы орудовали на этом кладбище каждую ночь: то сваливали памятники, то срывали и похищали с надгробий украшения. Дошло до того, что они забросали камнями похоронную процессию. Вообще, по словам газетчиков, с наступлением летнего времени томские кладбища превращались в «хулиганские притоны» [44]. Эта проблема была общей для Сибири. Здесь, как и по всей стране, переживавшей социально-культурные трудности послевоенного времени, власть сквозь пальцы смотрела на разрушение мест, связанных с коллективной памятью о «бывших». В таких условиях дело доходило до того, что местные жители самостоятельно устраивали облавы на хулиганов и избивали их, не дожидаясь помощи со стороны милиции. По всей видимости, традиционное отношение к кладбищу как святому месту побуждало городских жителей защищать могилы земляков от вандалов.

Государство же не заботилось о сохранении старых кладбищ, оберегая лишь избранные могилы революционеров и большевиков. Еще в 1905 г. в Томске началась борьба за существование революционных мест памяти, представленных могилами. Так, в ходе демонстрации 18 января погиб молодой печатник И.Е. Кононов, державший в руках красное знамя. Революционеры добились погребения его тела на мемориальном кладбище женского монастыря. На могиле простого рабочего уложили мраморную плиту, на которой были выбиты слова: «Товарищу Иосифу Егоровичу Кононову, убитому на демонстрации 18 января 1905 г. 18 лет отроду» [45]. Оградка могилы была декорирована изображением пуль, которые неоднократно удалялись полицией и восстанавливались революционерами [46. Л. 2–3]. Погребение И.Е. Кононова на монастырском кладбище – это вызов власти, демонстрация силы оппозиции, которая стремится символически вписать жертву своей борьбы в анналы местной истории. Тем, кто создавал и защищал это место памяти, было принципиально важно показать правомерность расположения могилы молодого, ничем особенно не прославившегося при жизни печатника среди могил томской профессуры, статских советников и епископов. Кононова прославил лишь его нелепая смерть – героическая, с точки зрения социалистов. Его хоронили как невинную жертву, достойную глубокого почитания после смерти. По словам краеведа В.Д. Славина, в 1950-х гг. его отец пытался отыскать могилу И.Е. Кононова на разрушенном Преображенском кладбище, куда ее, возможно, перенесли после уничтожения кладбища женского монастыря. Однако могила, некогда являвшаяся знаковой, уже исчезла [9. С. 201] и не могла послужить советской власти.

Стоит отметить, что в период колчаковской диктатуры на монастырских кладбищах Томска торжественно хоронили жертв «красного террора»: священника Н.А. Златомрежева и студента ТГУ, депутата Сибир-

ской областной думы П.М. Белякова [10. Л. 162, 164]. Очевидно, в период напряженной политической борьбы противники боролись за легитимацию собственной власти, конструируя каждый свою героическую историю, создавая новые репрезентации своего наследия. Соперничество в экспансии разных политических сил территории монастырских кладбищ, которые к тому времени концентрировали память о наиболее значимых для томичей персонах, означало стремление овладеть ландшафтом коллективной памяти и в конечном итоге умами и сердцами жителей этого города.

После Гражданской войны появилось Коммунистическое (Партийное) кладбище – новый, отдельный участок Преображенского. Отведение особого участка на кладбище для могил коммунистов как людей «новой веры» укладывается в традиционную логику, хотя и выглядит внешне нововведением. Нельзя сказать, что в Томске четко соблюдалось правило хоронить коммунистов на Партийном кладбище. В 1920-х гг. земле Вознесенского кладбища также предавали тела умерших большевиков, красноармейцев и советских служащих. Однако общая масса дореволюционных и современных могил с крестами на Вознесенском кладбище раздражала советскую власть, которая все более тенденциозно стремилась к избавлению от памяти об антигероях собственного исторического нарратива. К концу 1920-х гг. по всей стране началось целенаправленное уничтожение старых кладбищ. Показательно, что пока советская власть не утвердилась в стране прочно и основательно, она не рисковала покушаться на старые кладбища. На раннем этапе собственной легитимации социалисты добавляли могилы своих героев к уже давно существовавшим некрополям; после победы в Гражданской войне, конструируя свой некрополь, большевики начали постепенно вытеснять некрополь «бывших»; и лишь на этапе, когда в стране складывается тоталитарный режим, от старых могил становится возможным избавиться радикально и окончательно.

Томичи сопротивлялись разрушению исторического некрополя. И если простые обыватели били вандалов, то интеллигенция пыталась законными методами защищать отдельные, наиболее значимые для города могилы. Так, в 1929–1930 гг. директор краеведческого музея М.Б. Шатилов неоднократно делал запросы в Главнауку Народного комиссариата просвещения и Томский городской отдел коммунального хозяйства по поводу сохранения могил профессоров Э.Г. Салищева и Д.И. Тимофеевского, областника Г.Н. Потанина и писателя Н.И. Наумова на кладбище бывшего женского монастыря, а также часовни, украшавшей могилу старца Федора Кузьмича на кладбище бывшего мужского монастыря [47. С. 69]. На свои письма Шатилов получал категорический отказ, мотивированный отсутствием исторической ценности этих объектов.

В университетском Томске интеллигенция задавала особый тон бережному отношению к погостам и старым могилам как памятникам прекрасной, ускользающей старины. Едва в этом городе отгремели последние сражения с армией А.В. Колчака, местные деятели культуры приступили к изучению деревянного зодчества Томска. Выдающийся архитектор и художник А.Л. Шиловский выполнил серию рисунков, изобра-

жавших виды города и отдельные строения. Он также зарисовывал старые кладбища и могильный декор погостов томской округи. Шиловскому принадлежит и подробное описание вида старого кладбища г. Колывани, эстетических особенностей находившихся там надгробий и крестов 1835–1919 гг. Художник фиксировал: «Могильные плиты здесь прямоугольные, полированные, надписи на них изысканно строги и красивы, но чем современнее плита, тем менее совершенна ее обработка...» [48. Л. 1]. М.Б. Шатилов, столкнувшись с упорным стремлением представителей местных органов власти уничтожить старые кладбища, уже в канун своего ареста пытался хоть как-то сохранить память о могилах выдающихся томичей: он составлял схемы расположения отдельных погребений на Вознесенском кладбище и описывал внешний облик отдельных надгробий. Эти записи (вероятно, не в полном объеме) сохранились в музейном архиве [49. Л. 55–56]. В середине 1920-х гг. архитектор А.М. Прибыткова-Фролова, изучавшая томский ампиризм, писала в поэтичной манере об ансамбле мужского монастыря: «К церкви с восточной стороны примыкает кладбище со старинными памятниками 1807, 1812 гг., заросшее деревьями и травой. Есть там интересная, полуразвалившаяся часовня, деревянная, но оштукатуренная, есть и каменная часовня над могилой загадочного старца, известного под именем Федора Кузьмича» [50. С. 24].

Сюжет о могиле Федора Кузьмича заслуживает отдельного внимания. Со второй половины XIX в. это место почиталось томичами как святое. Над могилой, по свидетельству купца С.Ф. Хромова, чьим духовным наставником старец был при жизни, появлялись три чудесные звезды, мерцавшие и игравшие. Здесь регулярно служили панихиды, во время которых фиксировались случаи исцеления. Могила неизменно привлекала богомольцев как низкого, так и самого высокого социального происхождения: великих князей и видных государственных деятелей [51. С. 400, 415]. Неоднократно жители Томска и его округи рассказывали о чудесных видениях самого старца, происходивших как во сне, так и наяву. Источники говорят о том, что чудеса продолжались и в 1920-е гг. К примеру, старец являлся бывшим монахам Алексеевского монастыря незадолго до их расстрела. Историк М.М. Громыко описывает многократные появления белой фигуры старца в нескольких метрах над его могилой в начале второго десятилетия XX в. По мнению Марины Михайловны, эти явления были реальными и «служили укреплению людей в вере в обстановке разгула темных сил» [51. С. 428]. Однако заметим, что это чудо, если оно и было реальным, «обросло» слухами, дополнениями, трактовками и, возможно, искажениями.

М.М. Громыко не обращает внимания на газетные публикации начала 1920-х гг. в «Красном знамени» и «Советской Сибири», отражающие слухи, ходившие в Томске о Федоре Кузьмиче, поднявшиеся из могилы. Между тем в газетных текстах представлен образ более сложный и неоднозначный, чем образ православного святого Федора Томского. Печать сообщала: согласно слухам, ночами на кладбище мужского монастыря видят могильные огоньки (свидетельство присутствия темной силы, по народной примете) и призрачную фи-

гуру в белом. Молва моментально связала этот образ с памятью о томском старце Федоре Кузьмиче [52]. Печать дает понять, что в 1920-х гг. томичи не оценивали увиденное однозначно: они трактовали его или как чудесное видение, или как привидение. Молва и газеты превратили старца в призрак, воинственного, но справедливого мстителя разрушителям могил и осквернителям памяти предков. Едва ли являющийся людям православный святой может вести себя жестоко, причиняя кому-либо вред. Однако именно такие действия молва приписала «восставшему из могилы» старцу. Согласно слухам, зафиксированным газетой «Советская Сибирь», «целый месяц ночью выходил [призрачный старец] в белом саване на могилу и плакал»; по другой версии, милиционер стрелял в привидение, но «рука-то у него и отнялась», а начальник милиции после этого умер. Кое-кто говорил и о том, что комсомолец «пытался взять его в обхват, да пал ниц, и сейчас оторвать его от земли не могут». В ответ на эти слухи газета предложила «разгадку» таинственной истории, являвшейся ничем иным, как подстроенной «мистификацией попов». По словам газетчиков, призрак старца изображал живой человек, бегавший по кладбищу в белых простынях на ходулях [53].

Ясно, что «проработка памяти» о Федоре Кузьмиче была частью программы по дискредитации героев царской и православной России как общегосударственного, так и локального масштаба. Высмеиванию томских газетчиков в этот период подвергалась, к примеру, и святая Татьяна, день памяти которой томские студенты традиционно весело отмечали, укрепляя таким образом идентичность своей группы. Любимый томичами Федор Кузьмич был конкурентом новым, «вечно живым в сердцах», героям революции и Гражданской войны. Нами замечено, что одним из общих приемов дискредитации памяти о «старых» героях была деконкретизация сведений о них в публицистических и художественных текстах. Образ неясного призрака-старца хорошо подходил для этих целей. Видимо, поэтому газетчики воспользовались городскими слухами, которые показались им удобными для ведения пропаганды. Прием высмеивания старых героев также был рассчитан на развенчание легенды, жизнь которой, видимо, имела реальное фольклорное продолжение (хотя мы не исключаем и реальности чудесного явления старца). Смех должен был уничтожить веру в легенду. Эту же цель преследовали газетчики, предлагая рациональные объяснения появлений призрака «мистификацией попов» и хулиганством. Наконец, грубые выражения в адрес тех, кто верит слухам, и оскорбления должны были подействовать как угроза на тех, кто еще сомневался в правоте газеты.

По нашему мнению, появление слухов о «гуляющем мертвце» имело сложную природу. Помимо чудесных видений образа старца, которых мы не можем полностью отрицать, слухи эти базировались и на архетипической основе народного сознания, а также на традициях русской литературы и готического нарратива Западной Европы. Философ А.П. Назертян считает, что архетип «восставшего покойника» и сопряженный с ним иррациональный страх посмертного мщения старше, чем все другие человеческие страхи, которые свя-

заны со смертью. Образ мертвца с признаками произвольного поведения, по мнению Назертяна, уходит корнями в чрезвычайно глубокую древность, когда механизмы духовной культуры только формировались. Основанное на древнем страхе стремление избегать мертвых, которые могут причинить вред живым, присуще всем культурам. С другой стороны, с древнейших времен существует культ предков – защитников и покровителей рода. Будет мертвый вредить или помогать живым зависит, прежде всего, от поведения и отношения живых к умершему [54. С. 75]. Согласно этнографическим наблюдениям в народном понимании русских «гуляющие» мертвцы начинают беспокоить своими появлениями живых в случае неверного исполнения культа мертвых, их непочитания и неуважения. Непочтительное отношение советской власти к памяти старца Федора Кузьмича и множества других прежде уважаемых персон в начале 1920-х гг. стало очевидным, в результате чего коллективное бессознательное актуализировало архетип «восставшего покойника». Поэтому распространились слухи и о страшной мести «обиженного» мертвца, ведь именно мстью, по традиционной (дохристианской) логике, чревато непочтительное отношение к памяти и могиле усопшего. Видимо, традиционно мыслящая часть жителей Томска ожидала и желала мистического отмщения. Зафиксированные «Советской Сибирью» слухи напрямую сообщают, что призрак перешел к действиям, безжалостно наказав милиционера и комсомольца. Праведным и верно поступающим людям умерший (если это не колдун), по традиционным представлениям, помогает или ограждает их от зла. Пожалуй, в социально-политических условиях молодого советского государства такой защиты в глубине души желали многие противники режима.

Пресса фиксировала ночное паломничество к старому кладбищу и «недалеких» ротозеев, и образованных людей, еще до революции читавших в макушинской библиотеке мистические произведения А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, В. Скотта и Ч. Диккенса. Филологи подчеркивают, что бурное развитие готической литературы, заглавными героями которой являются призраки, в XIX в. выражало стихийный протест романистов против чрезмерной рассудочности и нормативности классической эстетики [55. С. 6]. Русская литературная традиция, связанная с мистическими образами неуспокоенных душ, коренится в фольклоре. Существует много русских народных сказок о восставших из гроба мертвцах. Сказки на эту тему были, в частности, записаны и опубликованы А.Н. Афанасьевым и В.И. Далем. Образ «гуляющего» мертвца в сказках типичен: он неизменно появляется в полночь на кладбище, облаченный в белый саван. Характерны и повторяющиеся появления «гуляющего» мертвца из ночи в ночь. Мертвцы в этих сказках злы и опасны для живых людей. Даже если при жизни умерший был добрым человеком, встреча с ним после его кончины не сулит ничего хорошего. Мертвец может наброситься на живого и съесть его. Если этого не произойдет, человеку, встретившему ожившего мертвца, грозит оцепенение (окаменение) или таинственная смерть утром. В анализируемых нами слухах Федор Кузьмич предстает во многом ти-

пичным фольклорным «ожившим мертвецом», ведь он появляется в полночь на кладбище в белом саване и карает тех, кто осмеливается к нему приблизиться. Однако образ, зафиксированный в газетах, несомненно, сложнее традиционного фольклорного образа. В народных сказках фигурирует образ ожившего мертвеца с присущей ему телесностью. Подобные сказочные персонажи не именуются «призраками» и «привидениями». Интересующий же нас газетный персонаж назван именно «привидением». Уже само это слово отсылает нас к литературной традиции. Именно к ней восходят такие черты образа призрака старца, зафиксированные газетами, как неестественно высокий рост, горящие глаза, зеленый цвет всей фигуры, непомерная физическая сила. Страдания и плач призрака – это тоже скорее литературный, нежели фольклорный мотив. Плачущий, а значит, страдающий герой – это уже не примитивное злобное чудовище из сказок, а возвышенное существо, наделенное разумом и человеческими чувствами. В русской литературной традиции многие из «оживших мертвцов» – лишние люди своей эпохи и кающиеся после смерти грешники. Мстительность призрака имеет и литературные истоки [56]. Федор Кузьмич, составший из гроба, мстит только представителям советской власти, направленность его мистической агрессии, безусловно, классовая. Во многих русских литературных произведениях о призраках присутствует мифология мести, причины которой обычно сложнее, чем в фольклоре. Важным мотивом мести могут стать личные счеты и, что особенно важно в контексте нашего исследования, социальная несправедливость.

Слухи о видении призрака старца, если их расценивать как особый жанр фольклорного искусства, также, на наш взгляд, противостояли советскому стремлению объяснить с рациональной позиции необычное и неизвестное. Сознание и интеллигенции, и неграмотных, но по-своему культурных людей противилось, по нашему мнению, топорной антирелигиозной пропаганде, выражавшейся, кроме прочего, в непочтительном отношении к могилам предков, святым местам и в воинственной рассудочности. Прежде Федор Кузьмич был гордостью и святыней для томского духовенства и значительного числа православных верующих из числа мещан, мелких

торговцев и крестьян; для краеведов история царя-старца была таинственной и «красивой легендой», облагораживающей грубый культурный ландшафт сибирского города. Коренные томичи, для которых и старые кладбища, и Федор Кузьмич были частицей Родины и томской старины – прекрасной, объединявшей их на ментальном уровне, болезненно переживали грубое уничтожение властью городского некрополя.

Итак, в Томске, как и в других сибирских городах, в межвоенное время тенденциозно уничтожался некрополь, имевший, по нашему мнению, несомненную культурную ценность, однако презиравшийся советской властью, которая оберегала лишь «свои» могилы, да и то не очень заботливо (сюжет о братской могиле «жертв колчаковщины» – это тема отдельного исследования). Местный горкомхоз не уделял в этот период должного внимания проблемам действовавших, но переполненных и запущенных кладбищ. Работал и закон саморазвития города как «живой» системы, где пустующие и брошенные сегменты (в данном случае могилы – места памяти) сначала становятся грязной и полуразрушенной периферией, а позже обживаются и приспособляются к потребностям тех, кто их заново освоил. Разрушительный тон, заданный властью в отношении томского некрополя, стихийно поддерживался на уровне бытового вандализма тех, для кого в этом городе кладбища были чужими и не воспринимались в качестве мест памяти. Однако, очевидно, для тех, кто ценил свою старую, дореволюционную томскую идентичность, ассоциировавшуюся с образами родных могил, крушение некрополя становилось крушением святыни, часом такого социально-политического накала, когда в историю вмешиваются сверхъестественные силы. Наиболее болезненным в этом отношении был этап рубежа второго и третьего десятилетий XX в. Уже в 1930-х гг. власть, основательно разрушившая десятилетиями складывавшийся томский ландшафт исторической памяти, сконцентрировалась на формировании собственного некрополя. Это выражалось не только в открытии новых кладбищ и заботе о свежих могилах «героев» последних лет, но и в том, что газеты публиковали некрологи партийных работников и советских чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири – XIII. Древнее кладбище близ г. Томска «Тоянов городок» // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1902. С. 30–60.
2. Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. Вып. XIV : Старинное татарское и следы других кладбищ в «Юрточной» части г. Томска // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1904. С. 10–30.
3. Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. Вып. XV : Антропологический состав населения г. Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1904, 1905. С. 230–250.
4. Чугунов С.М. Что такое *processus articularis atlantis*? // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1902. С. 3–30.
5. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области: (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 100–130.
6. Палашиенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск, 1960. С. 19–22.
7. Адрианов А.В. Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912. С. 1–183.
8. Лясоцкий И.Е. Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей. Томск, 1952. 64 с.
9. Славнин В.Д. Томск сокровенный. Томск, 1991. 328 с.
10. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск, 2003. 346 с.
11. Дмитриенко Н.М. Томский некрополь // Сибирская старина. 1992. С. 10–11.
12. Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.) / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001. 328 с.
13. Католический некрополь г. Томска (1841–1919 гг.) / сост. В.А. Ханевич, Г.А. Караваева. Томск, 2001. 281 с.
14. Томский некрополь. Южное кладбище. Вып. 1 : Восточная сторона / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2010. 76 с.

15. Быковская Г.А., Злобин А.Н., Иноземцев И.В. Концепция «мест памяти»: к вопросу о русском историческом сознании // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 150–157.
16. Томский некрополь (по документам фонда великого князя Николая Михайловича в РГИА). СПб., 2010. 64 с.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 270.
18. [Объявление] // Рабочий путь. 1926. 12 дек.
19. [Объявление] // Красное знамя. 1926. 17 авг.
20. [Объявление] // Красное знамя. 1926. 26 февр.
21. [Объявление] // Красное знамя. 1926. 6 окт.
22. Отвод места для нового центрального кладбища // Рабочий путь. 1926. 12 дек.
23. [Объявление] // Красное знамя. 1930. 19 февр.
24. [Объявление] // Красное знамя. 1931. 9 янв.
25. [Объявление] // Красное знамя. 1932. 4 янв.
26. [Объявление] // Красное знамя. 1933. 17 февр.
27. [Объявление] // Красное знамя. 1933. 28 дек.
28. [Объявление] // Красное знамя. 1930. 24 мая.
29. [Объявление] // Красное знамя. 1930. 27 июля.
30. Проф. В.Н. Гутковский [Некролог] // Красное знамя. 1933. 14 окт.
31. М.Г. Александровский [Некролог] // Красное знамя. 1933. 14 окт.
32. Александр Васильевич Лапидо: [некролог] // Красное знамя. 1936. 26 окт.
33. Михеенков В.Г. Вузовская интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 26 с.
34. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 22 с.
35. [Объявление] // Красное знамя. 1931. 21 марта.
36. [Объявление] // Красное знамя. 1931. 14 авг.
37. [Объявление] // Красное знамя. 1931. 30 нояб.
38. [Объявление] // Красное знамя. 1932. 15 марта.
39. Такса на рытье могил // Рабочий путь. 1926. 30 окт.
40. Святославский А.В. Традиция памяти в православии. М., 2004. 244 с.
41. Последняя просьба П.И. Макушина // Красное знамя. 1926. 6 июня.
42. Ермонская В.В. Советская мемориальная скульптура: к истории становления и развития русского советского художественного надгробия. М., 1979. 214 с.
43. Памятник П.И. Макушину // Красное знамя. 1927. 2 июня.
44. Безобразия на кладбище // Красное знамя. 1926. 17 мая.
45. Всеобщая забастовка в Томске // Красное знамя. 1935. 9 янв.
46. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-5. Оп. 4. Д. 67.
47. История Томского краевого музея языком архива // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. XI. 262 с.
48. ОГУК «Музей им. М.Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 4. Д. 84.
49. ОГУК «Музей им. М.Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 4. Д. 310.
50. Пибыткова-Фролова А.М. Памятники архитектуры XVIII–XIX вв. в Томске // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 19–29.
51. Громыко М.М. Святой праведный Федор Кузьмич – Александр I Благоверный: исследование и материалы к житию. М., 2007. 512 с.
52. Прodelки шарлатанов и легковереи дураков // Красное знамя. 1924. 17 авг.
53. Слухи и обывательские уши // Сов. Сибирь. 1924. 9 сент.
54. Назартян А.П. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 74–79.
55. Чамеев А.А. Лицом к лицу с призраками, или Шаг во тьму // Готический рассказ XIX–XX вв. / сост. Л.Ю. Брилова. М., 2010. С. 5–24.
56. Красильников Р. «Живой труп» в русской литературе. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/6_03.htm (дата обращения: 22.03.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июня 2012 г.